

ШИРОКИЙ И УЗКИЙ ПУТИ ПОНИМАНИЯ ДИСКУРСА*

Л. И. ЯКОВЛЕВА,

*кандидат философских наук, доцент философского факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия*

Статья написана на основе доклада, сделанного на межфакультетском круглом столе «Широкий и узкий пути понимания дискурса. Элементный состав дискурс-анализа» в МГУ имени М. В. Ломоносова. В ней подводятся некоторый итог предшествующих исследований. Выделены две принципиальные возможности понимания дискурса. Широкий путь понимания приписывает дискурс типовому классу вербализованных объектов, например, любой коммуникативной ситуации в качестве её структуры или тем или иным типовым ситуациям как набор их специфицирующих характеристик и признаков. Узкий путь предлагает понимать дискурс как форму специфического символического поведения, будь то реального или вербального. Предложена исследовательская программа, использующая понятия дискурса в узком значении.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурс, дискурс-анализ, интенция, кериγμα, культура, исследовательская программа.

BROAD AND NARROW WAYS OF UNDERSTANDING DISCOURSE

L. I. YAKOVLEVA,

*CSc in Philosophy (Phd), Associate Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov
Moscow State University, Russia*

The article is written on the basis of a report from interdepartment roundtable discussion on «Broad and narrow ways of understanding discourse. The elemental composition of discourse analysis» held in Lomonosov Moscow State University. It summarizes some of the points of the previous author's research. Two basic possibilities of understanding discourse are highlighted. The broad way of understanding attributes discourse to the model class verbalized objects, for example, to any communicative situation as its structure or to different typical situations as a set of specifying their characteristics and traits. The narrow way offers understanding discourse as a specific form of symbolic behavior, whether

real or verbal. A research program based on the concept of discourse in the narrow sense is proposed.

KEY WORDS: discourse, discourse-analysis, intention, kerigma, culture, research program.

Последние несколько десятков лет в ряде гуманитарных и социальных дисциплин активно осваивается термин «дискурс». Это происходит как в западной, так и отечественной науке. Данный феномен получил даже название «дискурс-бума». Как не раз уже бывало в таких случаях – случаях, когда слово обыденного языка (в данном случае это в первую очередь относится к английскому и французскому языкам, из которых происходит уже заимствование русским языком) втягивается в научный оборот и используется для описания новых ситуаций, которые недавно обнаружены и ещё не описаны и не осмыслены, – количество предложенных понятий, поименованных одним термином, столь велико, что их обозрение кажется невозможным, тем более представляется затруднительной их систематизация.

Вот только несколько примеров словоупотребления дискурса, перечень очень далёк от полноты [1]:

- ~ «звучащее слово, живая речь, произносимая в процессе развёртывания речевого события», или близкое по значению «длящаяся речь»;
- ~ текст «в его становлении перед мысленным взором интерпретатора»;
- ~ «совокупность (письменных и устных) текстов, которые производят люди в разнообразных ежедневных практиках - организационной деятельности, рекламе, области социального взаимодействия, экономике, СМИ»;
- ~ устный дискурс;
- ~ письменный дискурс;
- ~ «речь и текст – два аспекта дискурса. <...> дискурс понимается широко – как всё, что говорится и пишется, другими словами, как речевая деятельность <...> Таким образом, термины речь и текст будут видовыми по отношению к объединяющему их родовому термину “дискурс”»;
- ~ «вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата <...> с точки зрения результата дискурс предстаёт как совокупность текстов <...> как процесса дискурс представляет собой вербализуемую (“здесь и сейчас”) речемыслительную деятельность»;
- ~ по видам деятельности и типам творчества: научный дискурс, народно-поэтический дискурс, литературно-художественный дискурс, обыденный дискурс; политический дискурс;
- ~ по научным отраслям и дисциплинам: медицинский, юридический, философский, политологический и т.п.

- ~ И. Т. Касавин в «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» [2] предложил такое определение: дискурс – «неоконченный живой текст, взятый в момент его непосредственной включённости в акт коммуникации, в ходе его взаимодействия с контекстом». В статье дана классификация дискурсов по разным критериям, например,
- a) по критерию «передатчик-реципиент»: по производителю дискурса – президентская речь, медицинская рекомендация, супружеская ссора, судебное разбирательство; по получателю – лекция для студентов, сказка для детей, рассказ о любовном приключении для взрослых, сплетни о соседках для женщин**, предложение взятки для чиновников; когда не определены продуцент и реципиент – анонимные письма, угрозы, доносы, признание в любви (это утверждение «на совести автора», поскольку всё же неопределённость в данной ситуации – это аномалия);
 - b) по функциям: гипотаксический дискурс характеризуется «иерархией целей и подчинённостью всех промежуточных целей одной головной цели», к примеру, обвинительная речь в суде; паратаксический дискурс служит одновременно нескольким независимым целям и поэтому является функционально неопределённым, к примеру, телефонный разговор, болтовня в курилке, радиопередача;
 - c) относительно ситуации – ситуативный дискурс, разворачивающийся в социальной сфере, например, судебная риторика, дискуссия в коллективе, выяснение отношений с близкими***;
 - d) другие примеры – любовная клятва, обвинения в супружеской измене, мечты о замужестве, спортивный репортаж, прогноз погоды и др.

Как видим, спектр культурных топосов, которые стремятся освоить и конкретизировать с помощью термина дискурс, действительно, весьма широк. В него входят как формальные структуры, например, типы речи или литературные жанры, так и конкретные, вроде видов научного мышления, связанных с определёнными научными дисциплинами, или видов мышления, обусловленных теми или иными практиками или житейскими ситуациями. Такое разнообразие всякой всячины, одинаково поименованной, безусловно, порождает затруднения методологического характера и в конечном итоге подводит научную общественность к неутешительному выводу о бесперспективности данного термина из-за невозможности наделить его рациональным понятийным содержанием. Пессимистическое отношение, в частности, проявляется в уменьшении числа диссертационных исследований на сходную тему, снижением количества использований дискредитированного термина. Таким образом проходит «земная слава» некогда многообещающего терминологического новобранца, так проходят терминологические «бумы».

И. Т. Касавин привёл несколько высказываний R. Bruner, в которых представлено понимание ситуации, сложившейся вокруг дискурса, заметив при этом, что они отражают «распространённую сегодня точку зрения»: «В некоторых дискуссиях дискурсу угрожает судьба заклинания, да он уже и

есть сейчас таков – аналог всяких неясностей», «Понятие дискурса претерпевает, без сомнения, инфляцию, и ему не удаётся приписать однозначное применение» [3]. Сходное видение неоднозначного положения дискурса как понятия выразил Т. Ван Дейк: «Понятие дискурса так же расплывчато, как понятие языка, общества, идеологии, и зачастую наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия становятся наиболее популярными» [4].

Для начала, чтобы хоть как-то разобраться в запутанном клубке разнообразных словоупотреблений, следует «отделить зерна от плевел», то есть очистить проблемное поле от ошибок, которые – даже в силу своей излишности – могут значительно затемнять возможные конструктивные подходы к решению проблемы, породить ложные надежды на её решение. Также полезно выявить естественные, присущие самой материи проблемного топоса, факторы, вносящие интеллектуальную путаницу.

Первейшим таким «житейским» фактором, который значительно затеняет понятийную работу, как выше уже было отмечено, оказывается то, что дискурс является словом, входящим в лексику именно тех естественных языков, на которых совершаются ведущие философии мира. Разумеется, это порождает трудности перевода и, как следствие, неточность понимания, – в частности, зачастую возникает соблазн придать понятийный смысл в таких случаях, когда слово используется для обозначения привычного обыденного содержания, например, когда просто что-то говорится о развёрнутом процессе мышления или речи. В переводных текстах «вычитывают» то, что в них вовсе не закладывалось.

Следует отметить, что в западной философии, почти с самого её рождения, точнее, в классический период Античности, возникла традиция противопоставлять два ментальных способа решения задач: один связан с некоторой пролонгированностью, процессуальностью, а другой, характеризуется мгновенностью усмотрения искомого. В психологии эти варианты, соответственно, называются сукцессивным и симультанным способами мышления (или восприятия), а в философии – дискурсивным и интуитивным. Таким образом, только темпоральный параметр служил критерием, по которому проводилось различие этих типов психических способностей. В естественном языке и долгое время в языке философии дискурс суть рассуждение, развернутый во времени процесс формулирования мысли. Бедненько, что называется, без затей, но зато предельно ясно.

Ещё одной очевидной ошибкой является простое переименование в дискурс старых, хорошо известных понятий, часто также входящих в лексику обыденного языка. Дискурсом, как уже говорилось, стали называть устную или письменную речь, текст или даже совокупность текстов, дисциплинарные способы мышления, литературные и научные жанры, рассуждение. Однако само по себе «новое вино в старые меха» не польется. Необходимо, во-первых, чётко осознать и зафиксировать факт переименования, во-вторых, привести резоны, которые позволяют перейти – если это действительно требуется – к новому термину. В противном случае

смысл такого перехода оказывается не проясненным, мы оказываемся в ситуации двойной номинации. Создается ситуация-обманка: замена старого термина иным порождает иллюзию применения более современного научного подхода и порождает ложные надежды на получение принципиально новых содержательных результатов, хотя реально исследовательская мысль так и остаётся в тенетах прежних подходов, которые представляются почему-либо уже недостаточными или архаичными.

Третья проблема – это стремление при построении понятия дискурса включить в его объём как можно больше содержания. Причина, побуждающая к такому расширению объёма содержания понятия, в общем, понятна, – страх что-либо упустить. По достаточно распространённому мнению, понятие, как сачок, должно быть так велико, чтобы уловить все возможные случаи, ситуации, явления и процессы, которые можно под него подвести, которые можно им описать. Однако это предприятие, как показал Л. Витгенштейн [5] безнадежно. Оно малопродуктивно. И уже несовременно. Это замечание относится к большинству понятий, строящихся по принципу «всё включено». Очевидная несостоятельность данного подхода в том, что таким образом организуемое понятие не может выполнить своей главной – селективирующей функции: оно не может быть средством, позволяющим отделить одно явление от другого.

Жажда объять родовым понятием «всё и вся» восходит к методологии построения понятий (особенно родовых понятий и, в конечном итоге, категорий), описанной ещё Аристотелем и просуществовавшей, аж до XX века. От неё следовало бы отказаться ещё в XIV веке вместе со схоластическим видением мира и в целом схоластическим типом познания, восходящим к платоново-аристотелевой метафизике. Однако только в XX веке иные подходы к построению понятий социо-гуманитарного ряда предложили М. Вебер, Л. Витгенштейн, К. Поппер.****

Примерами таких безразмерных понятий дискурса могут служить предложенные Н. Б. Арутюновой и И. Т. Касавиным.***** Пикантность ситуации состоит в том, что в обоих случаях они представлены в энциклопедиях, то есть в справочниках, которые по предписанному им статусу должны аккумулировать последние и в то же время устоявшиеся знания. Ими пользуются студенты и аспиранты в первую очередь, ища подсказок для направления своих исследовательских поисков. Вероятно, не будет большим преувеличением утверждать, что почти ни одно дипломное или диссертационное лингвистическое исследование по дискурсу не обходится без упоминания определения, данного Н. Б. Арутюновой в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: дискурс – это «связанный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в событийном аспекте, речь, рассматриваемая как целенаправленное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмов их сознания» [6]. Чуть поодаль предложена яркая запоминающаяся фраза,

которая как бы итожит взгляд автора на дискурс: он суть «речь, погружённая в жизнь» [7].

Дискурс в данном определении оказывается, во-первых, текстом «в совокупности» с всевозможными факторами. Но как это – «в совокупности»? Что очерчивает границы, пределы этой совокупности, и есть ли они вообще? Кто тот ответственный за исследование всей этой и другой совокупности? Неужто один филолог? Или это бригада исследователей? Но кто в ней ведущий? Во-вторых, дискурс – это «текст, взятый в событийном аспекте». Событийность, надо понимать, это что-то случайное, необязательное (может, настроение человека или собеседников, может, нога, с которой они встали), это некоторые события, которые могли повлиять, а могли, в силу случайности, и не повлиять на текст. И наконец, дискурс – это речь как средство мышления и коммуникации. Таким образом, здесь дискурс оказывается и текстом, претерпевающим коллизии как случайного, так и необходимого порядка, испытывающим влияния, которые исходят из всех сфер и уровней общественного и личного бытия, но также и речью во всей своей многоаспектности: она может быть не только устной и письменной, но еще и внутренней. Кажется, автор постарался ничего не упустить.

Если задать вопрос простому человеку, с позволения сказать, обывателю, о том, влияет ли на наше мышление и на наши высказывания «жизнь», он с недоумением отнесется к самому вопросу: разве это не очевидно. Конечно, «речь погружена в жизнь». Дело науки разобраться в характере, степени влияния, взаимосвязи интерналистских и экстерналистских факторов лингвистического, психологического, культурологического и прочих типов. В приведённом определении мы видим, во-первых, пример «переодевания» старых терминов в новую дерюжку. Речь, текст или даже совокупность текстов так и остаются тем, чем они были до этого. Переименование их в дискурс мало что меняет. Ссылка, которую можно предположить, на то, что, мол, раньше лингвисты следовали завету Ф. де Соссюра изучать «язык в самом себе и для себя», а теперь новый термин настроит их на новый, современный исследовательский лад, и они больше внимания станут уделять экстерналистским детерминантам, – эта ссылка представляется слабым аргументом, ведь речь остается тем, чем она и является, какие бы подходы не применялись к её исследованию.

Во-вторых, в рассматриваемом определении понятия также обнаруживается тенденция к всеохватности лингвистических явлений. Но именно эта акция и приводит его к утрате собственно понятийного статуса: расширение объёма до «лингвистической бесконечности» делает его бессодержательным. Понятие дискурс, объемлющее собой и текст, и речь во всей их многогранности и разноаспектности, оказывается в ряду таких понятий, как природа и общество. Шире и абстрактнее их только категория бытия, которая по точному замечанию Гегеля, самая «тощая», бессодержательная, получающая свою определённую только в свете разворачивания всей философской системы. Эти понятия можно было бы назвать номинативными, понятиями-номинациями, они лишь указывают на

некий объект, проводя первичное различие. Но и природа, и общество изучаются рядом наук, именно в них формулируются конкретные исследовательские программы, определяются содержательные подходы изучения, в концептуальных рамках которых строятся понятия. Итак, данное определение дискурса не несёт в себе дифференцирующей способности, не позволяет построить продуктивную исследовательскую программу, так как оно не даёт чётких ориентиров для научного поиска, кроме общего указания в сторону «жизни» и упаковывания старых терминов в новую оболочку.

И, наконец, ещё одна проблема, которая, как мне представляется, значительно усугубляет трудности формулирования артикулированных исследовательских подходов к дискурсу, – это попытки описать текст (речь, коммуникативный процесс, дискурс) как нечто предметно однородное, как то, что тотально является вотчиной одной научной дисциплины, в силу чего безраздельно ей принадлежит и может изучаться исключительно её средствами. Особенно греху экспансии подвержены лингвисты. Можно предположить, что ничтоже сумняшеся они переносят опыт литературоведческого анализа художественных текстов на любые иные. Лингвисты в одиночку смело берут на себя труд анализа правовых, исторических, политических и политологических, медицинских и иного рода текстов, написанных в разные эпохи и на разных языках. Уф, современный лингвист оказывается больше философом натурфилософских времён, чем сами философы. Такое поистине титаническое соединение разных знаний и дарований, безусловно, возможно. Но также безусловно, что оно возможно не как правило, а как отдельные исключения, как уникальный случай соединения биографии и таланта некоторых ученых.

Текст – пространство междисциплинарного исследования. Необходимо понимать, что текст состоит из разных фракций, благодаря чему он выполняет свои когнитивные, коммуникативные, эмотивные функции и задачи. В любом тексте (даже в математическом, если он написан в расчёте на понимание профессионалами) в тех или иных долях присутствуют содержания, подведомственные разным наукам. На данное обстоятельство указывали, в частности, В. фон Гумбольдт, Ю. Хабермас. Современный немецкий философ специально останавливается на важности экспликации разных структур в тексте, поскольку понимание их содержания требует ответа на вопросы, которые задаются разными науками. Он, как и Гумбольдт, выделил когнитивный, интерактивный и экспрессивный модусы применения языка [8]. Можно предположить с большой долей уверенности, что предложенные немецкими учеными фракции также имеют свою структурную неоднородность. Например, когнитивный слой научного текста включает предметный, методологический слой и слой компонентов, относящихся к метатеоретическому уровню (картина мира, дискурс) научного познания. Каждая из дисциплин – лингвистика, культурология, философия, социология и другие дисциплины, чьим предметам, посвящены тексты, – должна найти своё место в межпредметном исследовательском проекте, не подменяя собой и не вытесняя другие.

Когда же оправдано «вливание старого вина в новые меха»: использование слова естественного языка в теоретических построениях и придания ему нового понятийного значения? В тех ситуациях, когда научные изыскания наталкиваются на явление, процесс или фактор, влияющий на них, но который ещё теоретически не отрефлексирован, и коллективный субъект познания пытается обозначить его словом, как представляется, более близким по значению и потому более подходящим; этот коллективный субъект как бы опробует это слово «на кончике языка». Но, как уже говорилось, операция по приданию понятийного статуса известному слову должна проходить со всей методологической ответственностью. Другой способ помечания нового явления – что, казалось бы, само собой разумеется – придумывание слова, которого ещё не было, либо припоминание некогда существовавшего, но основательно подзабытого. Так, например, поступил Т. Кун, введший в оборот современной философии науки понятие парадигмы, которое использовалось Платоном для обозначения того, что принято сейчас переводить только как эйдосы. Однако и здесь есть свои трудности, свои «подводные камни». Степень приживаемости в научном языке нового термина, его укореняемости в нём зависит от ряда параметров.

Так почему же оказывается уже недостаточно таких понятий, как речь, текст, коммуникация, мышление? Что в явлениях и процессах, которые они обозначают, распознаётся значительного, но ещё не описанного и требующего познавательных усилий? Во-первых, можно констатировать, что произошло расширение номенклатуры социальных и межличностных ситуаций, втягиваемых в научный оборот. Сама жизнь людей во всех её проявлениях становится интересной. И, что важно, современное общество, построенное на желании всё подвергать рационализации, стремится также управлять коммуникативными процессами или хотя бы их контролировать. К тому же у научного сообщества в мировом масштабе появляются материальные, людские и временные ресурсы для их изучения, позволяющие им «докапываться до мышей». К слову отмечу, на мой взгляд, в этом кроется своя опасность – опасность квазинаучности, что-то типа наукообразного пустословия, пустознания. Перечень разнообразных ситуаций, которые можно исследовать, в том числе и лингвистическими средствами, приведён в упоминавшейся статье о дискурсе И. Т. Касавина. Во-вторых, полезно понять, что в такого рода коммуникативных ситуациях можно выделить однотипного и закрепить в форме понятия. Здесь, как и во многих других случаях, возможно несколько вариантов.

Один из таких вариантов представлен в монографии М. Л. Макарова «Основы теории дискурса». В качестве примеров коммуникативных ситуаций в ней приведены, в частности, исследование структурной организации телефонных разговоров, проведённых в Лос-Анжелесе Г. Саксом на материале звонков в центр предотвращения самоубийств, а также исследование речевого взаимодействия учителей и учеников на уроках. В последнем случае в рамках Бирмингемской модели дискурс-анализа исследователи «пытаются найти ответы на вопросы о том, как

связаны соседние высказывания в потоке речи, кто и как управляет ходом общения, как меняются роли говорящего и слушающего, как вводятся новые темы и заканчиваются старые и т.д.» [9]. В монографии рассмотрен следующий набор единиц дискурс-анализа коммуникативного процесса: тема, действие, простые и сложные обмены, стратегия, трансакция или фаза, эпизод, целое коммуникативное событие, коммуникативный или интеракционный акт, речевой акт, смена коммуникативных ролей, коммуникативная стратегия.

Собственно дискурсом в данном случае оказывается структура, которую пытаются обнаружить исследователи в коммуникативном процессе. По-другому говоря, дискурс – это элементы и взаимосвязи между ними, с помощью которых пытаются структурировать коммуникативную ситуацию, или, иначе, это форма, структурирующая коммуникацию. Благодаря такой структуризации (формализации, оформлению) происходит рационализация, казалось бы, одной из самых неорганизованных стихий – стихии человеческого общения. Определённое наполнение формальных элементов, составляющих структуру, – вероятно, так надо понимать, – задаёт типологию коммуникативных ситуаций, например, разговорный дискурс – институциональный дискурс. При таком понимании дискурса все такие старые «добрые» понятия, как речь и все её разновидности, мышление, текст, коммуникация, остаются сами собой и на своём месте в коммуникативном процессе. Замечу, что «природа» элементов и связей между ними в дискурсивной структуре оказывается разной: лингвистической, социальной, психологической. Здесь дискурс также является предметом междисциплинарного исследования.

Вероятно, возможно помыслить и другой вариант понимания дискурса, который связан с необходимостью определения специфичности речемышлительной деятельности, обусловленной тем, что она совершается в той или иной социальной или межличностной ситуации. Таких ситуаций, складывающихся в многочисленных профессиональных сферах или обыденной жизни, бесчисленно. К примеру, покупка продуктов в супермаркете мужем и женой, может быть, отличается от совместной покупки матери и дочери, а разговор между начальником и подчиненным в курилке отличается от разговора даже на ту же тему, но происходящем в кабинете начальника, и т.п., и т.д. И какие-то типовые ситуации, безусловно, имеют общественную значимость и достойны научного интереса к себе.

В данном варианте дискурс – это принципы, правила, эвристики и существенные черты речемышлительной деятельности, типическая специфичность которых обусловлена особенностями типичной жизненной ситуации её протекания. Типические обстоятельства обуславливают – в зависимости от их характера они диктуют, навязывают или подсказывают – схожие стратегию и тактику поведения, в том числе и речевого, определённый набор коммуникативных средств. Может, в таком контексте правомерно говорить, например, о судебском, прокурорском и адвокатском дискурсах. Поведение и речи участников судебного процесса обусловлены не

только их профессиональными знаниями, но и социальными ролями, носителями которых они являются, традициями или сложившейся вокруг суда практикой отношений в обществе.

И здесь можно констатировать, что дискурс не является монопредметным, а требует соединения усилий представителей нескольких научных дисциплин. Так, исследование экономического поведения в определённой типовой ситуации должно объединить в одном проекте экономистов, социологов, культурологов, этнопсихологов, лингвистов, в каких-то случаях и философов. Как хорошо известно, на покупательское поведение влияет не только цена, но и так называемые неценовые факторы, в том числе, национальные традиции, мода, социологические опросы, разнообразные лингвистические факторы: реклама, инструкции, информация. И в данном случае, отметим, понятие дискурса не перекрывает своим содержанием других понятий.

Не исключено, что существуют иные содержательные версии определения дискурса. Перечисленные выше я отношу к широкому***** пути его понимания. Понятно почему: в обоих случаях понятие дискурса описывает нечто, как бы принадлежащее определённому классу явлений в целом, будь то вообще коммуникативный процесс или варианты типовых коммуникативных ситуаций. Узкий путь понимания дискурса – это путь выделения из потока символического поведения (которое, конечно, в первую очередь, манифестируется речью, но не только) специфических его разновидностей.

Как же можно понимать дискурс в узком смысле? Дискурс – это форма рассуждения, тип которой конституируется определённым набором религиозно-мифологических и метафизических допущений и которая, в свою очередь, обуславливает характер ментальных установок, стратегем и допущений, направляющих движение мысли и её структурирующих, задающих её интенцию, определяющих возможную последовательность её развёртывания, допускающих или отсекающих тот или иной характер аргументации, подсказывающий выбор определённых выразительных поведенческих и лингвистических средств: метафор и сравнений, банальностей и клише, фигур речи и фигур умолчания.

Поскольку уже в нескольких статьях отражено данное понимание дискурса [1,10], здесь я постараюсь сформулировать его суть по возможности тезисно.

1. Дискурсом мы назовём некую цепочку поведенческих или речевых актов, последовательность которых (мы об этом догадываемся или это чуем, или знаем) организована определённым характером мысли. Поэтому дискурс – это развёрнутая символическая деятельность, носящая смысловую и содержательную специфичность.
2. Эту специфичность возможно выделить и описать, она носит устойчивый характер и по отношению к некоторым символическим поведенческим и речевым актам выступает как форма. Подчеркну, дискурс – всегда цепочка рассуждений или поступков (даже когда мы

имеем дело только с фрагментом этой цепочки, можно реконструировать, достроить до целого), но не любое поведение, даже символическое, или рассуждение – дискурсивно. Итак, можно уточнить: дискурс – это форма символического поведения или мыслерассуждения; любые связанные дискурсивной формой развернутые варианты символического поведения также можно назвать дискурсом.

3. Дискурсивная форма предзадана, она существует в культуре, а генерирующим слоем в ней является, в первую очередь, культурообразующая религия с её мифологическими сюжетами и образами, ценностями и смыслами, а также их религиозно-экзегетические и философские интерпретации. Религии и обладают культурообразующей функцией именно благодаря тому, что служат почвой, на которой они рождаются. Собственно дискурсы обретают легитимирующую силу в базовом культурном слое – религиозном. К примеру, все философские направления *par excellence* дискурсы, рожденные христианской экзегезой и философскими интерпретациями христианского вероучения и иудео-христианской мифологии. Нетрудно показать, каким образом происходил процесс формирования философских направлений и их генетическую связь с христианским вероучением. Или, например, связь с христианством таких мировоззренческих дискурсов, как оптимизм и пессимизм.
4. Дискурсивная форма полагает не формально-логическое следование мыслительных актов, стоящих за символическим их выражением, а культур-логическое: в дискурсах реализуются культурные коды, логики культуры. Западная культура диалектична, в ней благополучно сосуществуют разные, в том числе, и противоположно-диалектические, дискурсивные логики. Следование рисунку мифа, в этом смысле его логике, его ценностным и мировидческим посылам, его смыслам или интуициям служит залогом обоснованности дискурса, а тем самым залогом его понимания и приятия. Дискурсы воспринимаются правомочными типами рассуждения именно потому, что они укоренены в культуре.
5. Но возможны, есть и такие дискурсы, которые не связаны с религиозными идеями и образами. В частности, на такое утверждение наталкивают работы Т. Ван Дейка, посвященные анализу расистского дискурса [11]. В этом случае можно предположить, что место религии в секуляризованном обществе заняла наука, и уже от ее имени – в данном случае отвлечёмся от степени собственно научности или истинности – создаются идеологемы, служащие основой для формирования того или иного дискурса.
6. Дискурсивное рассуждение, в отличие от методического, позволяет логические разрывы, заполняя пропущенные логические и содержательные звенья символами и образами, допускаемыми логикой мифа, его смысловой структурой. Оно может быть даже

противоречивым, как бы нарушающим формально-логические правила, если это оправдано матрицей исходного мифа. Дискурсивность может манифестироваться только отдельными деталями, например, тем или иным символом, афоризмом или крылатым выражением.

7. Дискурс, будучи формой, – как и понятийная форма, устанавливающая внутреннюю связь между, казалось бы, разрозненными свойствами, признаками, характеристиками определённого класса явлений, – оказывается «схемой синтеза», схемой сборки разнородных поведенческих и лингвистических деталей в некую осмысленную связанность. Дискурс задаёт некий схематизм символического поведения, определяет ментальные установки и предполагает расстановку в нём акцентов. Дискурсивная форма полагает положительные (которые разрешают или «подбрасывают») и отрицательные (которые запрещают) эвристики отбора тех или иных ходов мысли, способов аргументации и выразительных средств. В качестве таких средств важны аллюзии, реминисценции, прецедентные имена, намёки, то есть всё то, что отсылает к культурной памяти, что имплицитно тянет за собой определённые семантические шлейфы, делая мысль привычной, «родной», а значит, правдоподобной, допустимой, легитимной.
8. Важнейший вопрос: что содержательно определяет форму дискурса, что её «держит»? Я предлагаю использовать термин «керигма» для обозначения дискурсивной формы как содержательного ядра дискурса [12]. Термин керигма встречается несколько раз в Новом Завете. Сейчас он используется в библеистике, у некоторых светских философов. Как и подобает в таких случаях, существуют несколько вариантов понимания керигмы. Дж. Д. Данн в книге «Единство и многообразие в Новом Завете: исследование природы первоначального христианства» [13] выделил две возможности: как процесс проповеди и как содержание проповеди. И он приводит примеры второго вида определения керигмы: выделяя базовые пункты, – если угодно, тезисы – учения Христа и некоторых его адептов. Эти тезисы суть основоположения, задающие целостность учения. Как мне представляется, второе понимание керигмы близко к тому, что составляет содержательно-смысловое ядро дискурса. Оправданность возможности перенесения термина из религиозной сферы в светскую вижу в том, что полагаю иудео-христианскую мифологию, христианское вероучение и их экзегезу родительскими матрицами дискурсов, бытующих в западной культуре. Как уже утверждалось, дискурсы – выходцы из религиозно-мифологического слоя культуры. В качестве иллюстрации в указанной статье приведены керигмы рационализма и иррационализма.
9. Ещё одно важное понятие – интенция. Дискурс имплицитно содержит смутное или более отчетливое представление о некоем финале мыслерассуждения или поступка, о том, чем должно «сердцу успокоиться».

Поэтому интенция – это направленность нашего думания о предмете высказывания или направленность поведенческой манифестации. Можно предположить, что эта особенность дискурсов обусловлена, с одной стороны, эсхатологичностью иудео-христианской мифологии, с другой, назидательностью христианского вероучения и его интерпретаций. Таким образом, здесь интенция – это не направленность мысли (мысленного взора) на объект, как в феноменологии, а указание, в каком направлении должна развиваться мысль, в какую сторону надо думать. Мы даже в отношении отдельных объектов естествознания не можем быть уверены, что знаем их такими, какими они существуют «в себе», как выразался И. Кант. Дискурсивные рассуждения и в естественных науках играют значительную роль, входя в метатеоретический слой научного познания. Объекты же социогуманитарного ряда в принципе суть конструкции. Тем более конструкционистская позиция верна, когда мы рассуждаем о значительных по размеру «кусках» социальной жизни. Мы не знаем, как обстоят дела на самом деле, в самой реальности, но мы должны быть уверены, что имеем право определённым образом и в правильном направлении думать о ней. И это право дает нам культура. Дискурсы делают нашу мысль когерентной культуре. И именно в силу этого – легитимной. Очевидно, что такая социально-инженерная способность дискурса как формы символического поведения таит и свои значительные социальные опасности: недобросовестные социальные акторы могут использовать их с негодяйскими целями – целями манипуляции общественным сознанием, выстраивая сначала ложные пропагандистски-виртуальные реальности, а затем и вполне материализованные. Разоблачение такого рода построений должно осуществляться, в том числе и в первую очередь, с помощью дискурс-анализа.

10. Можно предположить в качестве гипотезы, что концепты и прецедентные имена, будучи устойчивыми образованиями, оказываясь втянутыми в разные дискурсы, несущими инаковые ценности и смыслы, встраиваясь в их семантические поля, всё же меняют какие-то свои параметры. Одним из самых исследуемых лингвистами концептом является концепт судьбы. Логично предположить, что понимание судьбы в оптимистическом дискурсе будет отличаться от её понимания в пессимистическом. Сравним мироощущение вольтеровских персонажей, повторяющих, как мантру, «всё к лучшему в этом лучшем из миров», и шопенгауэровскую мизантропию, строящуюся на утверждении «всё к худшему в этом худшем из миров».
11. Как известно, сила теории и составляющих её понятий (исследовательской программы, по И. Лакатосу) в эвристичности: насколько они позволяют организовать связанные и плодотворные познавательные процедуры, открывают новые осмысленные исследовательские возможности. Понимание дискурса как формы

специфического символического поведения предполагает, как минимум, следующую систему действий: а) выделить дискурс, б) описать керигму как «правила синтеза», базовый содержательный и смысловой схематизм, определяющий интенцию мыслерассуждения или поведения, набор выразительных средств, характер аргументации и пр., в) описать и понять саму интенцию, г) выявить положительные и отрицательные эвристики дискурса, д) определить набор возможных, допустимых выразительных средств: образов и символов, концептов и прецедентных имён, банальностей и клише, фигур речи и фигур умолчания, афоризмов и крылатых выражений, аллюзий и реминисценций, д) можно провести сравнительный анализ, кросс-культурные исследования бытования разных выразительных средств в тех или иных дискурсах по поводу сходных явлений, е) исследовать влияние дискурсов на поведение людей, степень их манипулятивных возможностей.

12. Понятие дискурса в узком смысле – понятие философское. Но исследовательская программа, выстраиваемая вокруг него, безусловно, является мультидисциплинарной. В наборе дисциплин, которые должны быть представлены в таком проекте, есть устойчивое ядро и вариативная часть. В ядро должны войти философия, культурология, лингвистика; подключение других дисциплин обусловлено той общественной сферой, в которой реализуется тот или иной дискурс. Это могут быть экономика, социология, политология, юриспруденция, разные естественные науки и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковлева Л. И. Дискурс-анализ как один из срезов социально-философского, культурологического и лингвистического исследования // Философские опыты: Вып. 4. Глобализация. Коммуникация. Идентификация. Сб. науч. тр., М., 2011. — С. 22-66. В данной статье приведены эти и другие примеры.
2. Касавин И. Т. Дискурс // Энциклопедия эпистемологии и философии науки М., 2009. — С. 196.
3. Касавин И. Т. Дискурс // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. М., 2010. — С. 83.
4. Ван Дейк Т. А. К определению дискурса. Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>
5. Вингенштейн Л. Философские исследования. § 65-77.
6. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. — С. 136-137.
7. Арутюнова Н. Д. Там же.
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2006. — С. 39. См. также С. 205.
9. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003. — С. 97.

10. Яковлева Л. И. Место и роль дискурса в метатеоретическом слое научного познания и социальных практик // *Философия и социальная теория*. Вып. 6: Сб. науч. тр. М., 2009. — С. 272-294.
11. Ван Дейк Т. *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. М., 2013.
12. Яковлева Л. И. Керигма как основная единица анализа дискурсивной формы мышления // *Философские опыты*: Вып. 7. Природа. Общество, Человек. Сб. науч. тр. М., 2014. — С. 23-36.
13. Данн Дж. Д. А. *Единство и многообразие в Новом Завете. Исследование природы первоначального христианства*. М., 2009.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Статья подготовлена на основе доклада, сделанного на межфакультетском круглом столе «Широкий и узкий пути понимания дискурса. Элементный состав дискурс-анализа» 2 апреля 2015 года в МГУ имени М. В. Ломоносова.

** От себя замечу по поводу данной формулировки, что мы здесь имеем дело либо с сексизмом, либо с незнанием простого житейского факта, что среди мужчин тоже есть сплетники.

*** Можно добавлять к списку, предложенному автором, бесконечное множество других, например, дискурс коммунальной квартиры, дискурс трамвайного хамства и т.д., и т.п.

**** М. Вебер ввел понятие «идеальные типы», Л. Витгенштейн – «семейство понятий», К. Поппер противопоставил два подхода к построению понятий, назвав один методологическим эссенциализмом, а другой – методологическим номинализмом, и показал недостатки первого и преимущества второго.

***** Понятие дискурса, данное И. Т. Касавиным, приведено выше, его анализ представлен в статье [1, с. 30-35].

***** В данной статье широкий путь понимания дискурса определяется по-другому, чем в статье «Керигма как основная единица дискурсивной формы мышления», где к нему были отнесены случаи переименования таких общих понятий, как речь и текст.